

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО ГАРМОНИЗАЦИИ И ДИСГАРМОНИИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА

ARGUMENTATIVE MARKERS AS MEANS OF HARMONIZATION AND DISHARMONY OF A SPEECH CONFLICT

**T. Larionova
E. Pechenina**

Summary: The article deals with the problem of harmonization and disharmony of communication, speech conflict in particular, in terms of ecolinguistic approach to the study of linguistic and speech phenomena. The authors distinguish argumentative markers / argumentators as means of harmonization and disharmony which are aimed at enhancement or weakening of the degree of predicate's correlation to the reality that allows to change the pragmatic content of the statement. The harmonizing nature of argumentators in a speech conflict study allows to define the conflict as a communication act aimed at ecological interaction of the language system and a speaker. The usage of argumentators to reach the disharmony of a conflict may lead to the distortion of a rational and argumentative component of speech behavior.

Keywords: speech conflict, ecolinguistics, harmonization, disharmony, communication act, argumentative marker, argumentator.

Ларионова Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ» (г. Новокузнецк),
tnesheva@yandex.ru

Печенина Евгения Александровна

старший преподаватель, КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ» (г. Новокузнецк)
eve64@yandex.ru

Аннотация: В данной статье анализируется проблема гармонизации и дисгармонии речевого общения, в частности в речевом конфликте, с точки зрения эколингвистического подхода к изучению языковых и речевых феноменов. В качестве средств гармонизации и дисгармонии авторы выделяют аргументативные маркеры / аргументаторы, которые направлены на усиление или ослабление степени соотнесенности предиката с действительностью, что позволяет изменять прагматическое содержание высказывания. Изучение гармонизирующей природы аргументаторов в речевом конфликте позволяет говорить о нем как о коммуникативном действии, направленном на экологичное взаимодействие языковой системы и говорящего. Использование аргументаторов с целью дисгармонии конфликта приводит к искажению рационально-аргументативной составляющей речевого поведения говорящего.

Ключевые слова: речевой конфликт, эколингвистика, гармонизация, дисгармония, коммуникативное действие, аргументативный маркер, аргументатор.

Являясь предметом междисциплинарного изучения, речевой конфликт рассматривается как 1) противоречие, сопровождаемое острыми эмоциональными переживаниями (психологический аспект) [3]; 2) сознательное и активное противостояние с целью нанесения ущерба противоположной стороне (философский аспект) [4]; 3) несоответствие выбранных коммуникативных стратегий взаимодействия в рамках того или иного типа институционального и личностного дискурсов (социолингвистический аспект) [1]. В педагогике речевой конфликт является следствием нарушения норм культуры педагогического общения и в большей степени соотносится с отсутствием речевого этикета [5].

Смежный взгляд на конфликт представлен и в юридической конфликтологии, где конфликт представлен как результат нарушения этических и правовых норм и лежит в основе «речевого хулиганства», «речевого убийства», «речевого воровства», «речевого мошенничества» [2]. В лингвистических исследованиях речевой конфликт всегда рассматривается как коммуникативное действие и нередко анализируется в синонимичном ряду с коммуникативной неудачей, коммуникативным самоубийством, речевой агрессией и т.д. Несмотря на разработанность понятия, вопрос терминологической ясности остается открытым.

Основное противоречие содержательного аспекта определения речевого конфликта, на наш взгляд, заключается в векторе коннотативной направленности. В большинстве определений акцент поставлен на отрицательной коннотативной составляющей, в то время как участники речевого конфликта могут выстраивать и позитивно-настраиваемые стратегии общения, направленные на устранения конфликта и гармонизацию общения.

Примечательно, что пришедший из музыкальной сферы термин «гармонизация», в настоящее время активно внедряется в лингвистический методологический аппарат, в первую очередь, в рамках эколингвистического подхода к анализу языковых и речевых фактов. Понимание гармонизации как «согласования, упорядочивания, сопровождения, приведения в систему, обеспечения взаимного соответствия» [17] применимо для определения критериев экологичности и неэкологичности языка. В первую очередь это актуально для психолингвистических исследований и теории коммуникации, занимающихся проблемами гармонизации общения. Одной из первых на данное явление откликнулась и теория перевода, для которой продолжает оставаться актуальным вопрос обеспечения адекватности переводческого текста [8, 15].

В отечественной лингвистике наиболее полно основные тезисы лингвистической экологии представлены в трудах А.П. Сковородникова, который рассматривает вопросы условий «здорового» существования человека в лингвокультурной среде, вопросами естественного включения его в данную среду [14]. Речевой конфликт так же может рассматриваться как одно из условий существования человека в среде, если понимать его как «определенный стереотип поведения, возникающий как результат взаимодействия с членами конкретного лингвокультурного сообщества» [10, с.119]. Речевой конфликт нередко является единственным возможным способом реализации социально-когнитивных матриц общения, которые закладываются в сознании человека с раннего детства [6]. Безусловно, сам речевой конфликт не является примером гармонизации общения, но, представляя собой обязательное условие включения человека в общую экологическую среду, он может содержать предпосылки для гармонизации общения. Данный тезис подтверждается исследованиями конфликтного дискурса и речевой агрессии, сопровождающей данное общение [13, 16].

Анализируя речевой конфликт в аспекте гармонизации, В.С. Третьякова выделила модели гармонизирующего речевого поведения: модель предупреждения конфликта (потенциально конфликтная ситуация), модель нейтрализации конфликта (ситуация конфликтного риска) и модель гармонизации конфликта (собственно конфликтная ситуация). В каждой модели, согласно автору, «заложены основные постулаты общения, в частности, постулаты качества общения (не навреди партнеру), количества (сообщай значимые истинные факты), релевантности (учитывай ожидания партнера), которые представляют основной принцип коммуникации — принцип кооперации» [16].

Участники конфликта могут проявлять способность к кооперации, преследуя разнообразные коммуникативные цели: от стремления погасить конфликт до установки доминирования над оппонентом. Однако не стоит понимать гармонизацию общения в речевом конфликте исключительно как достижение положительного результата для одного или всех участников общения, или полное разрешение конфликта и достижение договоренности. Если рассматривать речевой конфликт как «сценарий» [16], «речевую практику» для воплощения социокогнитивной матрицы [Ларионова], то гармонизация речевого конфликта получает новое осмысление, а именно получение участниками общения возможности реализовать потребность взаимодействовать с языковой, собственной и внешней когнитивной экосистемами, что подтверждает основной тезис эколлингвистического подхода. А.В. Кравченко, рассматривая актуальный вектор лингвистических исследований, пишет: «Главными принципами в любых научных исследованиях языка

должны стать биологизм и экологизм» [7, с.24], при этом под биологизмом он понимает анализ языка как части «функциональной особенности организации человека как живой системы», экологизм же проявляется в изучении языка как среды, обеспечивающей «нормальное развитие человека в онто- и филогенезе» [7, с.25]. С одной стороны, динамика конфликта как коммуникативного действия обеспечивает динамику языковых средств, которые получают иногда неожиданную интерпретацию именно в контексте конфликта, здесь стоит упомянуть примеры карнавализации языка. С другой стороны, в речевом конфликте гиперболизирована потребность участников воздействовать на эмоциональную, когнитивную сферы оппонента. Если в процессе общения на языковом уровне можно обнаружить маркеры гармонизации – согласования, упорядочивания, речевого равновесия, можно говорить о гармонизации общения. Соответственно, необходимо определиться с природой данных маркеров.

Рассмотрим пример общения на форуме по теме «покупка/продажа автомобиля» в социальной сети «ВКонтакте»:

Говорящий 1: - *А еще в таких салонах продают авто с еле живыми двигателями, коробками, говорят покупателям что все в идеале! Мы так им свою машину продали еле живую они сказали все сделают, но на следующий день ее на чистили намыли и выставили типо в идеальном состоянии...*

Говорящий 2: - *Катя, надеюсь, что вам тоже кто-то втюхает такой же дорогуший хлам.*

Говорящий 1: - *Мария, всмысле мы когда продавали сообщили о своей поломке салону, читайте внимательнее текст, а это уже салон на дурака, не ремонтируя выставляет машины и продают обманывая людей, что они в идеальном состоянии! (Орфография и пунктуация авторов сохранены) [https://vk.com/wall-59679439_395399].*

Представленная ситуация общения может быть интерпретирована как конфликтная благодаря ряду языковых маркеров на фонетико-графическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Фонетико-графический аспект представлен восклицательными знаками, соответствующими графическими символами. На грамматическом уровне – побудительными («*читайте внимательнее*») и восклицательными конструкциями, усиливающими негативное отношение к сказанному оппонентом. Маркерами лексического аспекта являются эмоционально-окрашенные слова, слова с отрицательной коннотацией («*обманывают*», «*на дурака*», «*хлам*», «*втюхает*»).

Стратегии поведения в речевом конфликте могут быть разнообразными – от инвективных, направленных

на осознанное причинение ущерба оппоненту до стратегий кооперации, построенных на принципе рациональности и аргументативности. Безусловно, в рамках конфликтного дискурса реализация данного принципа имеет свои особенности, в частности, имплицитный характер построения и актуализации аргументативного потенциала языковых единиц.

Обращаясь к описанной выше коммуникативной ситуации, следует отметить ряд слов, которые, благодаря своей прагматической природе, изменяют аргументативную силу высказываний. Очевидно, что второй говорящий, используя слово «тоже», выстраивает тактику обвинения оппонента, тем самым провоцируя речевой конфликт. Наряду со значением «также, в равной степени, аналогично», данная языковая единица может имплицитно выражать «сомнение и неодобрение». В ответе первого говорящего интерес вызывает языковая единица «уже», которая «помогает» обосновать аргументативную позицию автора и снять с него ответственность за действия, в которых его обвиняют. Данная способность языковых единиц описана и обоснована в теории языковой аргументации, авторы которой О. Дюкро и Ж.-К. Анкомбр сформулировали три основных тезиса, обосновывающих аргументативный потенциал языка:

1. Аргументативное начало в языке превалирует над информативным.
2. Семантическое описание высказывания должно состоять скорее в выяснении его возможных последствий, нежели определении его отношения к «фактам».
3. С точки зрения аргументативной стороны дискурса, аргумент и следующее из него заключение не могут обнаружить своей собственной значимости без учета зависимости друг от друга [18, 19].

Согласно теории языковой аргументации, любое высказывание, любое порождение коммуникации можно рассматривать как аргумент. При этом аргументативность создается не столько путем конструирования высказывания определенным способом, сколько за счет того, что сам язык уже обладает этой аргументативной силой. Данный факт не отрицается формальной логикой, которая признает, что аргументация может выражаться в слове, но наряду с этим в предложении, публичной речи, поступке, действии, взаимодействии. То есть, в соответствии с ситуацией, отдельная языковая единица может быть наделена аргументативной силой или не иметь ее. Теория языковой аргументации направлена на выявление аргументативного потенциала самих языковых единиц, которые приобретают статус аргументаторов или аргументативных маркеров. Аргументаторы/ аргументативные маркеры выражают соотношенность (*applicabilité*) предиката (существительного и глагола) с действительностью. Аргументативная сила направлена либо на увеличение, либо на уменьшение степени

соотношенности предиката с действительностью в конкретной ситуации [18, 19]. К данным аргументативным маркерам / аргументаторам, как правило, относятся незначительные или периферийные лексические единицы, чаще всего со спорным лингвистическим статусом, например, слова «еще», «уже», «даже» в русском языке или их аналоги в других языках. Десемантизируясь в процессе речи, данные слова, тем не менее, не теряют основной своей функции – усилить прагматическую и аргументативную силу высказывания.

Наряду с гармонизацией, аргументативные маркеры нередко служат и маркерами дисгармонии конфликта. Дисгармония как нарушение равновесия является результатом изменения свойств предиката в конкретной коммуникативной ситуации. Усиление, как правило, предполагает отступление от точки равновесия, что гораздо чаще происходит в речевом конфликте. Намеренное искажение языковых норм, свойственное речевому конфликту, не всегда предполагает исключительно языковые и речевые ошибки или намеренное использование языковых средств так называемого «патогенного текста» [12]. Дисгармония речевого конфликта, на наш взгляд, заключается в первую очередь в формировании в сознании оппонента искаженной реальности, в терминах теории языковой аргументации – уменьшение степени соотношенности предиката с действительностью.

Периферийные языковые единицы, такие как аргументативные маркеры, так же справляются с функцией дисгармонии конфликта.

Рассмотрим пример:

Говорящий 1: - ...Поэтому, Елена Сергеевна, мы будем задавать вам вопросы, а вы потрудитесь, пожалуйста, отвечать на них, иначе мы не сможем собрать достаточно материала для возбуждения дела.

Говорящий 2: - Да какие еще вопросы?! Не знаю ли я, кто мог *похитить детей*? Нет, не знаю! Не знаю!!! Какие еще у вас вопросы? [11, с.93-94].

Отказ отвечать на вопросы первого говорящего свидетельствуют о конфликтной позиции второго, однако отрицательный ответ сформулирован косвенно и имплицитно включает объяснение данной позиции. Благодаря языковой единице «еще» формируется прагматика высказывания: вопросов задано больше, чем допускает ситуация, дальнейшее общение невозможно. Реакция первого говорящего подтверждает ожидаемый результат.

Резюмируя анализ теоретического и практического материала, сформулируем следующие тезисы:

1. с точки зрения эколингвистического подхода речевой конфликт рассматривается как среда взаимодействия языковой системы и говорящего

- человека для обеспечения динамики развития одного и другого;
2. речевой конфликт как коммуникативное действие может являться моделью гармонизирующего и дисгармоничного общения;
 3. стратегия кооперации, обусловленная выстраиванием рациональной аргументации, подкрепляется аргументаторами, усиливающими степень соотнесенности предиката с действительностью;

4. стратегии, используемые говорящими для усиления конфликта, реализуются с помощью аргументаторов, ослабляющих степень соотнесенности предиката с действительностью.

Аргументативный потенциал языка, в частности периферийных языковых единиц с размытой семантикой, позволяет идентифицировать эколингвистический статус речевого конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н.А. Белоус, Н.В. Осколкова // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2007. – Вып.4. Ч.2. – С. 96-106.
2. Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрлингвистическая экспертиза конфликтных текстов / Н.Д. Голев. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v60.html> (дата обращения 07.04.2024).
3. Давыдов В.В. психологический словарь / В.В. Давыдов. - Москва: Политиздат, 1983. – 494 с.
4. Дмитриев А.В. Конфликтология: терминологический словарь / А.В. Дмитриев. – 2-е изд., перераб. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 80 с.
5. Клименских М.В. Педагогические конфликты в школе: учебное пособие / М.В. Клименских, И.А. Ершова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2015. – 76 с.
6. Колмогорова А.В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции: монография / А.В. Колмогорова. – Москва: Флинта, 2013. – 168 с.
7. Кравченко А.В. Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А.П. Сковородникова, Г.А. Колпиной. – Красноярск: Сиб. Федер. ун-т. – 2022. – С. 10-27.
8. Кушникова Л.В. Экология перевода: современные тенденции и подходы / Л.В. Кушникова // Вестник пермского университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-perevoda-sovremennye-tendentsii-i-podhody/viewer> (дата обращения: 26.03.2024).
9. Кушникова Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л.В. Кушникова. – Пермь: изд-во Пермского Государственного технического университета, 2008. – 196 с.
10. Ларионова Т.В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице / Т.В. Ларионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. - №7(73): в 3-х ч. Ч.1. – С. 117-120.
11. Маринина А. Тьма после рассвета / А. Маринина. – Москва: Эксмо, 2024. – 480 с.
12. Мышкин С.В. К постановке проблемы «патологии языковой личности» // Организационная психоллингвистика / гл.ред. С.В. Мышкин. – Москва: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – Вып.3 (23). – С.10-24. URL: [https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023№3\(23\).pdf](https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023№3(23).pdf) (дата обращения: 02.04.2024)
13. Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета / К.Ф. Седов // Социальная психоллингвистика: хрестоматия / сост. К.Ф. Седова. – Москва: Лабиринт, 2007. – С.250-277.
14. Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А.П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. - №1. – С.205-233. URL:<http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/A.P.-Skovorodnikov.pdf> (дата обращения 02.04.2024)
15. Сюэцзюань Гуань. О гармонизации культурных контекстов перевода (на материале переводов с китайского и на китайский) / Гуань Сюэцзюань // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2022. – Т.14 (Вып.4). – С. 728-741.
16. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения / В.С. Третьякова: диссертация на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.
17. Экономический словарь терминов. URL: https://gufo.me/dict/economics_terms/ГАРМОНИЗАЦИЯ (дата обращения: 02.04.2024).
18. Ducrot, O. Informativité et argumentativité [Text] / O. Ducrot, J.-C. Anscombe // De la Métaphysique à la rhétorique. – Bruxelles : [б.и.], 1986 – P. 79-93.
19. Ducrot, O. Les Modificateurs Déréalisants [Text] / O. Ducrot // Journal of Programatics, 1995. - №5. – С. 145-165.

© Ларионова Татьяна Владимировна (tnesheva@yandex.ru), Печенина Евгения Александровна (eve64@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»